Ночь огня

Автор:
Эрик-Эмманюэль Шмитт

Ночь огня

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Азбука-бестселлер

Впервые на русском – новый роман Э.-Э. Шмитта «Ночь огня»

В двадцать восемь лет Шмитт предпринял пеший поход по пустыне Сахара. Он отправился туда будучи атеистом, а десять дней спустя вернулся глубоко верующим человеком. Вдали от привычного окружения писатель и драматург открыл для себя простую жизнь, завязал дружбу с туарегами. А потом он заблудился на просторах Ахаггара. На протяжении тридцати часов он ничего не ел и не пил, он не понимал, где оказался и сумеют ли его найти. И ночь, проведенная под звездами, открыла ему новый духовный путь. Она изменила его навсегда. Но что произошло в ту ночь? Что он слышал? Что произвело столь резкое, неизгладимое впечатление на этого философа-агностика?

В своей новой книге «Ночь огня» писатель рассказывает и о насыщенном приключениями странствии, и о пути вглубь собственного «я». Впервые Э.-Э. Шмитт приоткрывает нам свой внутренний мир, показывая, как, казалось бы, прочно сложившаяся жизнь человека и писателя, его взгляды в один миг способны резко перемениться.

Эрик-Эмманюэль Шмитт

Ночь огня

Eric-Emmanuel Schmitt

LA NUIT DE FEU

Copyright © Editions Albin Michel, S.A. – Paris 2015

© Н. Хотинская, перевод, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство АЗБУКА®

1

Думаю, что я полюбил Таманрассет в тот самый миг, когда город появился за иллюминатором. Самолет покинул столицу Алжира, и мы, казалось, летели над луной, видя на многие километры лишь сухой песок, валуны и скалы с вычерченной среди них, точно штрих, нанесенный ногтем в пыли, прямой дорогой, по которой следовали джипы, грузовики и караваны. Мне уже не хватало деревьев, тучных полей, извилистых рек. Вынесу ли я двухнедельный переход через Сахару? Меня страшили пустота, каменная бескровность, воздух, лишенный цветочной пыльцы, природа, не знающая времен года. Потому ли, что я смотрел на нее сверху, земля эта казалась мне скудной. Время от времени появлялся оазис, пучок зелени, фиговые деревья и финиковые пальмы вперемешку вокруг холма; взволнованный, я шептал тогда: «Таманрассет», но мой сосед поправлял меня: то была Гардая, или Эль-Голеа, цитадель Ста плодов, или же Ин-Салах.[1 - Гардая, Эль-Голеа, Ин-Салах – населенные пункты в Алжире.] А потом снова все то же однообразие овладевало неподвижной равниной…

И вот после полудня наконец показался Таманрассет, о чем сообщил голос пилота. Неброская красота этого места поразила меня: городок лежал как бы в

нише, две гранитные руки, согнутые, закругленные, обнимали его, одновременно показывая и защищая. Примостившиеся между уступами крошечные домики-кубики из шафранового цвета глины напомнили мне те, что я мастерил в детстве, чтобы обставить пейзаж, по которому мчался мой электрический поезд.

Стоило мне выйти из самолета, как дыхание этих мест окутало меня, погладило уши, овеяло губы, и во мне откуда-то взялась уверенность, что этим прикосновением пустыня радостно приветствует меня.

Мы отнесли вещи в отель; к счастью, плохо прибитая табличка оповещала о его назначении, ибо ничто не отличало это строение от его соседей, разве только претенциозная стойка желтого дерева в холле.

Там ждал нас Мусса, туарег, с которым мы переписывались весь предыдущий месяц. По факсу и телефону туземец предоставил нам сведения, необходимые для написания нашего сценария. Высокий, худой, хрупкий, закутанный в черную хлопчатобумажную ткань, с лицом цвета красного дерева, Мусса улыбнулся нам широкой радостной улыбкой, какую обычно приберегают для близких друзей, и пригласил поужинать у него.

От гостеприимства я всегда теряюсь, потому что вырос в Лионе, большом городе, сторожком и замкнутом, где и друга приглашают в гости лишь после того, как месяцы – а то и годы – строго к нему присматривались. Впустить человека в свой дом – все равно что выдать диплом, означающий «достоин». Мусса же, не имея никакой информации, был рад нас принять и спонтанно распахнул перед нами свою дверь – тем более спонтанно, что двери у его дома не было.

В этом низком глинобитном строении, втиснувшемся в переулок, где дома походили друг на друга, как ячейки в улье, было всего две тесные комнаты – кухня и жилое помещение. Я не увидел закута, скрытого хлопковой занавеской, где жена и дочери Муссы готовили ужин; зато вечер я провел в пустой келье безупречной чистоты, каждую ночь превращавшейся в спальню для всей семьи. По контрасту со скудной обстановкой, без мебели, безделушек и картин, кускус явился изобильным, цветным, мясо и овощи лежали, точно драгоценности, на подушке из крупы. Мятный же чай оказался вкуснее самого дорогого вина: сладкий, ароматный, пряный, он разливался во рту фарандолой вкусов – то экзотических, то знакомых, то таких непривычно острых, что немного кружилась

голова.

На улице ночь опустилась внезапно и вместе с ней упала температура. За двадцать минут закатное небо расцветилось пурпуром, и дыхание свежести овеяло равнину без травы и кустов, после чего окончательно сгустилась тьма, приглушив даже ветер.

В пламени масляной лампы, заливавшем наши лица золотистым, почти жидким светом, разговор тек непринужденно. Сидя прямо на полу, Жерар, режиссер фильма, и я, его сценарист, засыпали нашего хозяина вопросами, а он отвечал нам своим томным, медовым голосом. Еще больше, чем слова, меня завораживали руки туарега, длинные, худые ладони с тонкими, как паучьи лапки, пальцами, ладони то и дело раскрывались нам, не скупясь ни на пищу, ни на разъяснения. Я сразу проникся доверием к этим чужим рукам.

Мы говорили о жизни туарегов… Мусса, хоть и имел жилье в Таманрассете, оставался кочевником и бороздил пустыню девять месяцев в году. Домом его был каменный шатер или же шатер полотняный, и поэтому все его добро – одежда, кастрюли, посуда – помещалось в нескольких наскоро собранных мешках, которые они с домочадцами брали с собой. И не нужны стулья, кровати, сундуки, двери, замки, ключи…

– А где вы прячете ваш телефон, Мусса? Ваш факс?

Он пришел в восторг и объяснил мне, что его шурин руководит туристическим агентством в десяти километрах отсюда и он наведывался туда много раз. Послушать его, само собой разумелось, что одного телефона и одного факса достаточно для нужд всей округи, и он был горд, что его родственник владеет этим чудом современной техники. Вдоволь пораспространявшись о семейном успехе, он принялся описывать пейзажи, которые нам предстояло увидеть.

– Bioutifoul![2 - Красивый (искаж. англ.).]

Это слово не сходило у него с языка:

– Bioutifoul!

Если верить ему, мы побываем в местах bioutifoul! И в других bioutifoul. Лексикону туарега недоставало разнообразия, но взгляды, сопровождавшие его восклицания, служили комментариями: там-то будет красиво, там-то величественно, там-то ужасающе, там-то гармонично. Мимикой он расцвечивал свои bioutifoul, как большой художник.

Наш интерес к сказочной культуре туарегов казался естественным Муссе, ее послу; он не задавал встречных вопросов о нас, нашей стране и наших обычаях. Я уже понял то, что подтвердило потом наше путешествие: в пустыне не интересуются всем остальным, ибо занимают центр мироздания!

В десять часов мы простились с Муссой, и наши thank you количеством не уступали его bioutifoul.

– Напомните мне, как называется отель? – спросил Жерар для пущей надежности.

– «Отель».

– Простите?

– Это отель «Отель», – со смехом объяснил Мусса. – До недавнего времени он один и был… Теперь правительство построило отель «Тахат», но он не заменит отель «Отель»!

Тихая ночь окутала все вокруг, совсем непохожая на прежнюю тьму, сгустившуюся вслед за сумерками. Как будто город к ней привык…

Идя вдоль чахлых кустов тамариска, я заметил, что в некоторых домах внизу есть электричество. После пленительной ясности вечера вокруг масляной лампы зеленоватый неон, рождающий грязный свет и безобразные потемки, показался мне отнюдь не знаком прогресса, но изъяном… Его свечение раздражало глаз. Как можно, ослепляя, так мало освещать?

Я пошатывался при ходьбе. Чай ли, беседа, атмосфера – откуда мне знать? – опьянили меня… А может быть, подкосило путешествие… или сломила перемена климата… Раз десять мне пришлось хвататься за ограду. Ноги мои

подворачивались. Почему-то сбивалось дыхание и не слушалось тело.

– Тебе нехорошо?

Жерар косился на меня встревоженно.

Смутившись, я собрал остатки энергии, чтобы скрыть свое недомогание.

– Очень хорошо.

Пусть этими словами я заслонился от его любопытства, но я не лгал. Хоть слабость моя была почти болезненной, я чувствовал себя хорошо, невозмутимо, спокойнее, чем в Париже, по которому мы бегали еще утром. Слабость эта выражала смутное видение, предчувствие, что я попал в главнейший край, в страну, которая меня ждала… Или я ждал ее.

– Доброй ночи.

– До завтра.

– Эрик, не забудь: в половине восьмого в холле.

– Я поставлю будильник!

В отеле, прежде чем идти в свой номер, я поднял голову, пересекая патио.

Небо обрушилось мне на голову. Звезды сияли, близкие, трепещущие, живые, рукой достать. Бесконечность улыбалась мне. В одну секунду я почувствовал, что встречусь с необычайным.

Увы, я покачнулся от усталости и опустил глаза. Слишком поздно! Нет сил… Я упрямо следовал своему плану: поспать.

Войдя в душ, я спугнул полдюжины тараканов, и они возмущенно разбежались по шершавой плитке. Из труб тянуло запахом ног и экскрементов. Я попятился, зажимая нос. Побывав здесь, я, пожалуй, испачкаюсь, а не отмоюсь! Да и так ли

уж я грязен? И спать ложусь один…

И я, хоть и маньяк гигиены, не притронувшись к кранам, надел свежую рубашку, и благоухание лаванды создало иллюзию чистоты; потом я рухнул на кровать – тонкий поролоновый матрасик, брошенный прямо на цемент, – не обращая внимания на стены в пятнах от раздавленных комаров.

Я провалился в сон, торопясь не покинуть этот мир, но вернуться в него поскорее.

Это было очевидно – я не прибыл в незнакомую страну, я приземлился в обещание.

2

Я никогда не просыпаюсь сразу целиком; какие-то части меня еще вязнут во сне. Мой мозг буксует, коснеет, не зная, где находится; тело движется с трудом; слов не хватает, памяти тоже. Мое имя и то порой забывается… Я выныриваю из каждой ночи, точно утопленник, выброшенный на берег в час отлива. Я даже не знаю, сколько времени остаюсь этой пустой формой, сознанием, констатирующим, что оно существует, еще лишенным содержимого. Потом моя личность медленно, даже лениво возвращается в своем ритме, точно влага, растекающаяся по промокашке, и наступает момент, когда я осознаю, что снова стал собой.

И этот день в отеле «Отель» не стал исключением из правила, превращающего меня каждое утро в потерпевшего кораблекрушение.

Будто бы полившись в комнату, когда я открыл глаза, свет поразил меня. Какая сила! Мои пальцы выключили звонок будильника. Глаза обежали оштукатуренные стены, на которых плясали тени от занавески, колеблемой легким ветерком у окна. Где я спал? Новые звуки врывались снаружи: приглушенные голоса с влажным выговором, кошачьи свадьбы, пронзительным мяуканьем перекрывавшие рев мотоциклов.

Где?

Над моей подушкой роились мухи. Любопытная, назойливая шпионская эскадрилья кружила надо мной, точно впервые видела француза.

Алжир… Таманрассет… Поездка с Жераром…

Я вздохнул, с радостью обнаружив себя у врат пустыни и дня.

Что-то, однако, сбивало меня с толку. Но что?

Загудел клаксон, и я понял несуразность: здесь не было гула, характерного для любого города. Никакого движения на улицах. Шум машины я различал так же отчетливо, как в чистом поле. Обычно в городском хаосе за звуками не слышно тишины; здесь же на фоне тишины вырисовывались звуки. Таманрассет, эта равнина, где век назад виднелся лишь колодец да шатры кочевников, сохранил свое достоинство редкого города.

Кровь снова циркулировала под моей кожей, и я ощутил боль в ногах, руках, шее. Всю ночь я кормил комаров. Настоящий пир…

Решив в своем оцепенении, что укусы меня не слишком беспокоят, я снова закрыл глаза, желая еще немного полениться. Семь часов утра? Неужели? Наверно, ошибка… Лежа на животе, я перемещал голову, ноги, руки, весившие тонну. Смогу ли я их поднять? Они жили своей жизнью. Хватит ли у меня духу заставить их двигаться вместе?

Из коридора раздался громовой голос Жерара:

– Эрик! Не забудь, мы идем сегодня утром к торговцам драгоценностями.

Я прервал медитацию, имевшую главной целью оправдать мою лень, вскочил с постели, в душе вновь распугал возмущенных тараканов, отступил и, не сводя с них глаз, помылся на дедушкин манер – рукавичкой, стоя перед умывальником.

Я вышел к Жерару. Холл служил рестораном. Глотая горький кофе, я мазал на хлеб финиковое варенье, в котором от фиников было одно название, а вкус

только сахара. Покуда я старательно жевал, Жерар просматривал различные справочники по региону, и я попутно убедился, бросив взгляд, что еще не умею читать.

Появился Мусса, принаряженный, бодрый, еще жизнерадостнее, чем вчера. Он усадил нас в джип цвета хаки, позаимствованный у брата, с гордостью представив нам автомобиль так, будто речь шла о родственнике. Я сел сзади, все еще слегка не в себе, и мы поехали.

Я считал, что меня не укачивает в машинах с детства, но теперь, казалось, вернулся на много лет назад. Неровная дорога, ухабы, лихость, с которой управлялся с ними Мусса, переворачивали мое нутро. Желудок подкатывал к горлу. Каждую секунду я хотел выйти, но был вынужден цепляться за ручки дверцы, чтобы меня не выбросило. От грохота и тряски мне казалось, будто мы едем на скорости сто километров в час, хотя на самом деле, вероятно, не превышали двадцати…

Мусса затормозил у ряда чахлых деревьев.

– Ну вот, друзья мои!

Рынок драгоценностей не имел ничего общего с Вандомской площадью.[3 - На Вандомской площади в Париже находятся резиденции и бутики крупнейших ювелирных фирм мира.] Прямоугольник утрамбованной земли между кустами на краю города. Раскинутые в пыли шатры. Тряпицы, на которых разложены товары. Пластиковые пакеты вместо ларцов и шкатулок.

Здесь толпились только продавцы, среди которых мы были, боюсь, единственными клиентами. Что еще более странно, сновали одни мужчины, без женщин; хоть по большей части драгоценности были предназначены им, женщины их не выбирали.

Мусса привел нас к торговцам, которые гостеприимно подали чай и разложили браслеты, ожерелья, диадемы, перстни в надежде, что мы купим их товар. Как объяснить им, что нам, зевакам в поисках натуры для фильма, довольно будет ими полюбоваться? Нелегко, восхитившись красотой украшений, объяснить, что мы не собираемся их покупать! Терпеливо, упорно туареги расхваливали свой товар. Давление росло. Уговаривая нас, они говорили о том, какое удовольствие

доставят эти подарки нашим женам, невестам, сестрам, матерям… Я начал чувствовать себя недомужчиной: разве не было моим долгом доказать свою мужскую силу, привезя домой эти безделушки?

Наконец Мусса, заподозрив, что мы не заинтересованы, отвел нас к ремесленникам из касты инадан, ковавшим изукрашенные кинжалы: не угодно ли нам мужских драгоценностей? Силясь угадать наши желания, глаза его горели нетерпением.

Положение становилось затруднительным. Из трусости или из любезности я вернулся назад и выбрал серьги. Жерар же сторговал нож с чеканной ручкой.

Это успокоило Муссу.

– Вы довольны?

– Да.

– Правда довольны?

– Эти драгоценности произведут фурор в Париже.

– Тогда и я доволен!

Он сомневался в себе, не в нас…

Мы сели в джип, чтобы отправиться к следующему месту назначения: в часовню и бордж, где жил Шарль де Фуко.[4 - Шарль Эжен де Фуко (1858–1916) – монах-траппист, отшельник, исследователь Африки. Римско-католическая церковь причислила Шарля де Фуко к лику блаженных.]

Под солнцем, уже поджаривавшим наши плечи, мы с Жераром взволнованно переглянулись. Шарль де Фуко… Нас била дрожь… Шарль де Фуко, отшельник, занимавший наши часы чтения, трудов и мечтаний… Шарль де Фуко, о котором мы хотели знать все… Шарль де Фуко, белый колдун… Век спустя нам предстоит побывать в местах, где жил этот герой, о котором мы писали сценарий.

Истинное путешествие всегда состоит в столкновении воображаемого с реальностью; оно располагается меж этих двух миров. Если путешественник ни на что не надеется, он увидит лишь то, что видят его глаза; если же он уже воображал цель своих странствий в мечтах, то увидит много больше того, что явится взору, и заглянет даже в прошлое и разглядит будущее за сиюминутным; и пусть он испытает разочарование, все равно оно окажется богаче, плодотворнее простого протокола.

Невзирая на тряску, я запрокинул голову к небу, подставил лицо дневному теплу и, смежив веки, сосредоточился на событиях, которые привели меня сюда.

Что за приключение увлекло меня в Сахару?

Мне было двадцать восемь лет, и я преподавал философию в Савойском университете. Передо мной, молодым лектором, открывалась блестящая карьера, ибо, уже выпускник Эколь Нормаль, агреже и доктор, я имел шанс, если верить лестным шепоткам старших коллег, «кончить» в Сорбонне или даже в Коллеж де Франс.[5 - Коллеж де Франс – парижское учебно-исследовательское учреждение на площади Марселена Бертло в Латинском квартале Пятого округа французской столицы, предлагающее курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высоких отличий в области французского высшего образования.]

Однако, хоть и любя свою дисциплину, я опасался дороги, которую прочили мне люди. Вправду ли она моя, или это лишь логическое продолжение моей учебы? Моя жизнь или чья-то чужая?

Взрослому подходил этот путь, ребенку – нет. С малых лет меня одолевал творческий зуд, я делал марионеток, малевал комиксы, сочинял музыку для фортепиано, писал сказки, таскал у отца то кинокамеру, то фотоаппарат, ставил комедии собственного сочинения в лицее. Учеба же, хоть и много дала мне, много и отняла. Я учился. Многому учился. Учился, и только. Учителя укрепили мою память, знания, способность к анализу и синтезу; но оставили под спудом фантазию, вдохновение, воображение, спонтанную выдумку.

Вот уже год я задыхался.

Усердно работая, чтобы одерживать победы в конкурсах и получать дипломы, я в то же время чувствовал себя заложником этих успехов. Они успокаивали меня, но удаляли от себя самого.

От себя?

Нет! Даже этого я не мог сказать с уверенностью.

Я…

Кто это – я?

Каково мое дело на этой земле?

В таком состоянии я предпринял демарш параллельно моим лекциям. Из-под моего пера вышла пьеса, писавшаяся довольно легко, «Ночь в Валони»; и вдобавок ряд литературных пародий, история Отелло в стиле различных драматургов. Раздобыв адрес, я послал мои литературные опыты знаменитой актрисе Эдвиж Фейер,[6 - Эдвиж Фейер (наст. фамилия Кунати; 1907–1998) – французская актриса театра и кино. Автор нескольких мемуарных книг, бесед об искусстве.] и та благосклонно открыла передо мной двери мира театра, радио и телевидения.

Прочитав эти тексты, Жерар В., режиссер, работавший в театре и кино, позвонил мне.

– Вас не заинтересовал бы фильм о Фуко?

– Котором? Мыслителе или отшельнике?

– А кого вы предпочитаете?

– Меня интересуют оба – и Мишель, и Шарль.

– А ведь между ними нет ничего общего.

Как Жерар был прав! Мишель Фуко, Шарль де Фуко… Один в моде, другой нет. Один был философом, другой мистиком. Один атеистом, другой верующим. Один боролся за права секс-меньшинств, другой после многочисленных связей с женщинами принял обет целомудрия. Трудно было найти двух настолько разных людей. Лишь одно объединяло их: оба лишились жизни при тягостных обстоятельствах: Мишель Фуко был убит вирусом СПИДа, Шарль де Фуко погиб от руки близкого человека.

Я, однако, признался Жерару, что по разным причинам оба персонажа вызывают во мне живейший интерес постольку, поскольку оба дают пищу для размышлений.

– Речь идет о Шарле де Фуко, – раскололся наконец Жерар.

– Почему вы хотите снять о нем фильм?

Не отдавая себе отчета в своей дерзости, я поменял роли и сам задавал вопросы.

Жерар объяснил мне – поэтично, задушевно, расплывчато, искренне – свою тягу к Шарлю де Фуко, бывшему офицеру колониальных войск Франции, который, прикоснувшись к благодати, уехал в Алжир не для того, чтобы покорять или обращать, но чтобы жить с туарегами и передать нам их стихи, их легенды, их законы и первый словарь их языка.

Назавтра мы встретились и долго говорили о монахе Фуко. Вечером Жерар позвонил агенту, и я получил контракт на сценарий, это я-то, в жизни не написавший ни строчки для кино или телевидения.

Вот почему мы, Жерар и я, приземлились в Сахаре, после того как полгода работали с документами, спорили, писали.

Какой парадокс!

Два художника, идущие по следам мистика! Два парижанина, желающие понять, как богатый наследник-сноб мог дать обет бедности, возлюбить ближнего как самого себя и примкнуть к туарегам, народу, вызывающему в ту пору страх, ибо неведомому, кочевому, загадочному и недоступному. Ни я, ни Жерар не

принадлежали ни к какой церкви; нас вела в сердце пустыни страсть к личности, к универсальному мудрецу, у нас не было необходимости быть христианами для вдохновения, ибо мудрец этот был достоин, чтобы его признал любой человек и любая цивилизация.

Машина затормозила перед Фрегатом.

Собака мочилась на пальму, глядя пустыми глазами. Кудахтали куры. Слонявшиеся вокруг мальчишки замерли, силясь понять, во что это мы, прислоняясь к джипу, всматриваемся с таким интересом.

Они были правы… Что мы видели перед собой? Постройку из плохо пригнанных камней длиной шесть метров, шириной метр семьдесят пять, крытую хворостом на высоте человеческого роста. Вокруг раскинулся город, сотни строений просторнее и добротнее.

Однако же этот параллелепипед, так неловко слепленный, был в 1905 году первым домом в Таманрассете, в этом оазисе, где стояли лишь двадцать «очагов», как говорили тогда, то есть два десятка тростниковых хижин. Шарль де Фуко выбрал это место, сочтя его обойденным французской колониальной цивилизацией, – и хотел, чтобы оно таковым и осталось. Убежденный, что сюда не вторгнутся ни миссия, ни гарнизон, ни телеграф, он посвятил свою жизнь туземцам, следуя своему идеалу.

В дань своему Богу он воздвиг Фрегат, наполовину часовню, наполовину ризницу, а рядом построил соломенную хижину – служившую спальней, столовой, кухней, приемной, гостевой комнатой, – которая до наших дней не сохранилась.

Сегодня Таманрассет, бывшая деревня на сорок душ, стал городом с населением сто тысяч человек; грузовики задевали верблюдов, асфальтированные проспекты покрыли рыжую землю, пластиковые пакеты цеплялись за сухие колючки, наступавшие из пустыни, а из скульптурных фонтанов била в небо драгоценная вода. Шарль де Фуко ошибся, но я пытался увидеть город его глазами, глазами 1905 года, которым представал лишь уединенный домишко посреди голой равнины.

– Восстановить! – заключил Жерар.

– Простите?

– Декорацию. Для фильма…

Сила воображения: мне виделось прошлое, Жерару же – будущее, съемки его полнометражного кино…

Мы отправились в бордж.

Жара усиливалась. Пятна пота выступили на моей рубашке под мышками, на пояснице, на животе; брюки жали, и между ног нещадно жгло. Наша одежда явно не подходила к случаю, и я уже завидовал встречным людям в джеллабах, не стесняющих движений: они не так страдали от высокой температуры, свободные в этих одеяниях, не давящих ни на какую часть тела. Они шли сухие и чистые – несбыточный подвиг для меня, обливавшегося потом и облепленного пылью. Как им это удается? Даже их ноги в плетеных сандалиях оставались ухоженными! И подумать только, что мы, европейцы, маемся комплексом превосходства…

Возвышавшийся перед нами бордж выглядел внушительно. Укрепление из кроваво-красной глины, закрытое, без окон, оснащенное бойницами, говорило о грозном мире: Шарль де Фуко не смог воплотить свой идеал простой жизни, ему пришлось воздвигнуть эту цитадель, чтобы защитить местное население от пришлых орд грабителей. Победил разум? Нет, сила. Сила тупая, алчная, хищная, та, что хочет завладеть чужим добром и ни во что не ставит жизнь человеческую.

Бордж говорил о неудаче – и о трагедии. Именно здесь в 1916 году Шарля де Фуко убил выстрелом в голову парень, которого он знал и которому помог. На самом деле при всей своей зрелищности это надменное здание рассказывало лишь одну историю: о разладе между людьми.

– Возможно! – воскликнул Жерар.

– Что?

– Надо только помозговать, как поставить камеру. Затушуем кое-какие детали… Отлично!

Жерару нравился этот патетический конец – конец его фильма и конец Фуко, – и эти страницы он заставлял меня переписывать бессчетное множество раз, чтобы развязка запомнилась зрителю. Я же хотел затушевать не детали, но суть… неправедную смерть Праведника.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сообщил Жерар, доставая зубочистку.

– Браво, я и сам этого не знаю…

– Ты думаешь о судьбе Фуко, и тебе хочется, чтобы любовь изменила мир.

– А тебе нет?

Он сунул кусочек дерева в правый уголок рта и уставился на толстый цементный щит, заслонявший вход в бордж.

– Я хочу, так же как и ты, чтобы добрые чувства восторжествовали, но признаю, что это неосуществимо.

– Ты готов к фиаско?

– Я готов к неустанной борьбе. Для меня победа в бою, а не в его исходе. Не теряя цели, я теряю иллюзию выигрыша.

– Хотел бы я так думать.

– Ты не можешь так думать в двадцать восемь лет! Вот когда тебе перевалит за пятьдесят… Красота битвы не в победе и не в поражении, а в самом смысле битвы.

Я замолчал, чтобы не выказать, до какой степени его смирение мне неприятно. Какое будущее оно мне сулило? Путь умеренного бунтаря?

– Скоро десять, – напомнил нам Мусса, – пора присоединиться к экспедиции.

Жерар недовольно заворчал. Ему бы хотелось совершить это путешествие только в моем обществе, но жизнь диктовала свои условия: десять человек, записавшихся в Париже, в специализированном туристическом агентстве, участвовали в этой прогулке. После одиночной вылазки благодаря нашему приезду вчера нам предстояло присоединиться к группе: чартерный рейс уже приземлился.

Мусса отвез нас в отель «Отель», где мы взяли наши рюкзаки. С уколом сожаления я покинул свой номер, хоть вчера он совсем мне не понравился; когда я закрывал дверь, сердце сжалось. Ну вот, я покидал свои ориентиры, привычный мир, мир убежищ, удобных кроватей, ванных с проточной водой и ватерклозетов, мир уюта и свободы. Десять дней я буду принадлежать стаду, шагать без передышки, есть под открытым небом, справлять нужду под кустиком, редко мыться и спать на голой земле, где кишат скорпионы и прочая нечисть. Как кочевник.

Кочевник?

Меня прошиб озноб, ноги подкосились.

Кочевник… Смогу ли я это вынести?

3

«Поль, Анна, Марк, Мартина, Тома, Жан-Пьер, Сеголен, Даниэль, Жерар, Эрик-Эмманюэль».

Десять участников экспедиции собрались, и гид произвел перекличку.

Когда он вскочил на камень, чтобы обратиться к нам, я так и замер с открытым ртом. Преодолеть тысячи километров, оставить позади цивилизацию, углубиться в алжирскую пустыню – и обнаружить перед собой тридцатилетнего американца по имени Дональд с длинными обесцвеченными кудрями, который жевал наш

язык одновременно с жевательной резинкой, вот это шок! Его имя, его национальность, его внешность серфингиста – все казалось мне неправильным.

– Я ваш шеф, вы должны меня слушаться. Иначе…

Он указал на козий череп, валявшийся среди пучков травы.

– …вы кончите вот так.

Он рассмеялся, глядя на кости.

Дональд был симпатичен, но симпатичен профессионально, бодрость его была какой-то заказной, искрометные взгляды ни на ком не задерживались, остроты, хоть и забавные, рождали во мне подозрение, что пользуется он ими не в первый раз.

– И хорошему актеру трудно играть себя, – усмехнулся Жерар.

Полный энтузиазма и усердия, Дональд будто бы импровизировал сцены, которые на самом деле повторял наизусть.

После слов приветствия он изложил нам правила безопасности. Я не слушал его, предпочитая смотреть, как слушают другие. Восемь моих спутников, от сорока до шестидесяти лет, были одеты по-спортивному, без показухи; их бледные, сероватые лица напоминали, что они прилетели из французской зимы – было начало февраля, – выражение какой-то вялой покорности говорило, что, выйдя из самолета, они все еще ощущают себя в пути.

После правил, которые свелись к «следуйте за мной» и «держитесь кучно», Дональд обрисовал наш маршрут. Я окончательно перестал слушать. Когда мне излагают расписание, я чувствую себя попавшим в плен, кажется, дышу лишь для того, чтобы заполнять графы некой схемы, просто перестаю существовать. Хуже того! Если мне заранее сообщают, чем закончится опыт, я готов от него отказаться.

Сегодня, по прошествии времени, я жалею, что без внимания отнесся к словам Дональда. Дальнейшие события покажут, до какой степени он был прав, до

какой степени я ошибался… Что чуть не стоило мне жизни… Но не будем забегать вперед.

Пока он перечислял этапы, я обозревал окрестную саванну. Здесь, в восьмидесяти километрах от Таманрассета, где мы сошли с джипов, каменные глыбы, вздымающиеся через каждые пять-десять метров, образовали естественный загон, правда с воротами, открывавшимися на горизонт. Дромадеры щипали серебристую траву.

Странные животные… Когда я впервые увидел их в зоопарке моего детства, они показались мне увечными. В сравнении с лошадьми или ослами это было просто собрание уродств. Одновременно тощие и тучные – голенастые ноги, жирная спина, – они со своими морщинами выглядят и молодыми, и старыми, и волосатыми, и лысыми, ибо шерсть покрывает лишь грудь и спину. Во всем облике ни силы, ни стати: как будто топором разрубили широкую грудь и выгнутую шею. Тощие ноги вздуваются мозолистыми коленями и чересчур широки внизу. Наконец, у них, гигантов, крошечная головка, плоская, уродливая, взъерошенная, с огромными губами, раздутыми ноздрями и выпученными глазами с тусклой радужкой; их образина смахивает на ту, что запечатлевает прижатый к лицу объектив, – даже издалека дромадеры выглядят снятыми со слишком близкого расстояния.

Здесь же, дома, в Африке, дромадеры произвели на меня иное впечатление. Спокойные, свободные, с небрежным изяществом расхаживали они по пастбищу упругой походкой. Одни отдыхали в тени акаций, другие щипали колючку, обкусывали кусты, дотягивались мордой до верхних веток. Они паслись с осторожностью, довольствуясь цветком здесь, листком там, берегли растительность, чтобы продолжалась жизнь. Безмолвные, почти неподвижные, они казались высокими деревьями среди кустов, исполненные растительной безмятежности, и их длинные ресницы напоминали пестики и тычинки, затуманивая добродушный взгляд.

Пятеро алжирцев, появившихся невесть откуда, принялись ловить животных. Те удивленно заревели.

Я повернулся, шокированный, к Дональду. Не успел я сказать и слова, он объяснил мне, в чем дело.

– Наши друзья возьмут трех верблюдов и навьючат их провизией для нас на десять дней. Они нужны нам. Супермаркетов по дороге нет.

– Да, конечно…

– Не беспокойтесь, животные привычные. Все будет хорошо.

Действительно, дромадеры особо не сопротивлялись; они расступились с медленной поспешностью, словно смирившись, и приняли укротившие их лассо. Только один, рыжий мастодонт, агрессивно взвился и атаковал, плюнув и показав зубы.

– Этого оставим: у него гон.

Самец бросался вперед, пятился в нерешительности – то фанфарон, то трусишка. Не трогая его, алжирцы привели к нашим джипам трех его собратьев с хорошими горбами и ногами в прекрасном состоянии и приказали им лечь.

Первый, цвета карамели, согнул сначала передние ноги, потом, почти опустившись на колени, вдруг заметался, взревел, теряя контроль над своими движениями. Дрессировщик настаивал; задняя часть тела качнулась, и колени дромадера коснулись земли; зад сровнялся с грудью по горизонтали, и животное со вздохом расплющило о песок подушку, окутывавшую его брюхо. У двух других было не больше последовательности в движениях, все то же чередование стремительности и сдержанности, как будто воспаленные суставы отказывались повиноваться.

– Taghlasad!

Господин в синем одеянии приветствовал нас с лучезарной улыбкой на губах.

– Owyiwan!

Он начал оживленный монолог. Пусть и догадывался, что ни один француз его не поймет, но говорил запальчиво, словоохотливо, лицо и взгляд излучали тепло. Странным образом чем больше он произносил непонятных фраз, тем больше убеждал нас. Его настойчивое желание поговорить с нами свидетельствовало об

уважении. Нам бы умолять его остановиться, но мы, чувствуя это, наоборот, подбадривали его, вслушиваясь.

Когда он замолчал, Дональд выступил переводчиком.

– Абайгур – наш гид-туарег, он из Ахаггара,[7 - Ахаггар – нагорье на западе Сахары, в южной части Алжира.] выходец из знатной семьи, бороздящей Сахару на протяжении веков. Обращаю ваше внимание, что он не знает ни слова ни по-английски, ни по-французски, ни по-немецки, ни по-итальянски, ни по-испански. И все же вы сможете потолковать.

– Каким образом?

– В пустыне понимают друг друга без слов. Вот увидите…

Абайгур кивнул:

– Alkheir ghas.

– Как бы то ни было, – добавил Дональд, – я владею начатками тамашека.[8 - Тамашек – язык юго-восточной части туарегов, на котором разговаривают около полумиллиона человек в Северной Африке по южному краю Сахары.]

Я ощутил словно удар молнии…

Абайгур был красив, строен, царственно закутан в лен цвета индиго, голова увенчана белой гривой. Его черты были прорисованы четко и точно вдохновенной рукой природы, орлиный профиль, чеканные губы, пронзительные глаза – все словно выгравировано на сухой загорелой коже. С королевской осанкой стоял он в центре нашей команды, без стеснения завладев всеобщим вниманием.

Сердце мое сорвалось с цепи.

То не была ни любовь с первого взгляда, ни дружба с первого взгляда, то был удар молнии… как бы это сказать… человеческий. Я сразу полюбил цивилизацию, которую воплощал этот человек, полюбил Историю, которую

рассказывало его присутствие, полюбил его дерзкое спокойствие, его щедрую улыбку, приветливую и безмятежную, улыбку, сулившую нам в будущем чарующие моменты.

– Сколько ему лет? – спросил я Дональда.

Из-за его царственной ауры я не мог определить, было ли ему двадцать пять или сорок пять.

Американец перевел мой вопрос Абайгуру. Вместо ответа тот обернулся ко мне, глаза вспыхнули, сердечное выражение сказало «спасибо за интерес ко мне». После этого он присел, проверяя, надежно ли прикреплена поклажа к седлам.

– Что, туареги не сообщают свой возраст?

– Никогда, – кивнул Дональд.

– Почему?

– Либо они считают, что это не важно, либо не знают своей даты рождения. Часто и то и другое… Как правило, в своей жизни они не заморачиваются цифрами.

Я отошел к своим соотечественникам, чтобы познакомиться с ними поближе. Жерар, стоя в стороне, принюхивался к ветру, решительно асоциальный.

Группа была охвачена некоторой нервозностью.

– Я тревожусь! – воскликнула Мартина, агреже математических наук. – Из пустыни не возвращаются прежними.

– Понятное дело! – добавил Марк, ее муж, морща лоб. – Из нее возвращаются в восторге или в депрессии. Мы в этом убедились на примере наших друзей.

– Такая экспедиция – всегда сильный опыт, – не отступала она. – Меня это пугает. Мы станем другими через десять дней.

– Еще какими другими, – буркнул Марк, почесав в затылке. – В какую сторону мы скатимся? В хорошую или в плохую?

Мне захотелось поддразнить его, сказав, что он вернется из пустыни со скрижалями Завета в руках. Но я поостерегся и лишь пробормотал:

– Я скорее боюсь не измениться.

Поджав губы, Мартина кивнула с готовыми пролиться слезами в глазах и вздрогнула при мысли об ожидающих нас испытаниях.

– Лично меня больше всего страшит изоляция, – сказала Сеголен, офтальмолог из Бордо. – Ни телефона, никакой связи. Представьте, если один из нас поранится? За сколько километров находится больница, достойная так называться?

– На такой случай у нашего гида есть походная аптечка.

– Вот как? Он врач? А если на нас нападут скорпионы?

– Тогда уже не понадобятся ни больница, ни аптека, – подал голос Марк. – Их яд убивает мгновенно.

Все содрогнулись. Страх укоренялся в мозгах, становясь цементом группы.

Я попятился от этой тревожной атмосферы. На самом деле меня пугал их страх. Тем более что это был и мой страх тоже…

В нескольких метрах Жерар, сосредоточенно жевавший зубочистку, обернулся ко мне и движением век дал понять, что слышал весь разговор. «Теперь ты понимаешь, почему я держусь особняком?» – сказал он, поморщившись.

Тем временем алжирцы привязывали кожаными ремнями к спинам животных металлические ящики, бурдюки с водой, мешки с зерном. Едва прикрепив один груз, добавляли следующий. Безумие! Как несчастные создания вынесут такую тяжесть?

Однако же по знаку мужчин дромадеры поднялись в три секунды. Несмотря на поклажу, распрямиться им было легче, чем сложиться. Какая чудесная непринужденность! В эту минуту они показались мне не земными, а воздушными существами.

Алжирцы вскочили в джипы к нашим водителям, и все замахали руками в знак прощания. Загудев, машины тронулись; я проводил взглядом стелющиеся за ними клубы пыли, которая рассеялась вместе с шумом моторов.

С высоты холмика Абайгур смотрел в бесконечность. Линия горизонта отражалась в его глазах, разделяя зрачки надвое – половина бледного неба, половина темной земли. Я не мог угадать чувств, крывшихся за этими бликами. Он стоял прямой, непроницаемый, безмятежный и вечный, как этот мир.

Воцарилась тишина, тяжелая, плотная. Ну вот, мы остались одни на десять дней в самом сердце пустыни.

И нет пути назад.

Приключение начиналось.

Чем-то оно обернется? Тяготами или экстазом?

4

«Где-то ждет меня мое истинное лицо».

Я шел пригнув голову, руки и ноги напряжены, большие пальцы засунуты за ремень, шагал, не сводя глаз с камней и неровностей почвы, чтобы не упасть. Рюкзак был так тяжел, что я терял равновесие, стоило ноге подвернуться.

«Где-то ждет меня мое истинное лицо».

Эта мысль шла вместе со мной, неотвязная, мерная, она билась в унисон моим шагам. С самого завтрака – проглоченного наспех, – мы шли по тропе, которая вилась среди спящих глыб и вздымающихся к небу скал. Хоть и извилистая, дорога эта имела естественный вид, вписываясь в рельеф, с горловинами-коридорами; было видно, что ходили по ней веками.

– Врата пустыни! – объявил Дональд, когда мы тронулись в путь.

Он указал нам на гору, усеянную валунами. Тогда я подумал, что, преодолев это препятствие, мы выйдем на ровную местность. Ничуть не бывало! За каменной стеной высилась другая, за ней еще одна и еще… Мы пересекали массив, на преодоление которого мог уйти не один час. Отрезвленный, я умерил изначальную прыть, подлаживаясь к ритму. Образовалась организованная колонна: Абайгур с верблюдами шел впереди, Дональд замыкал шествие.

«Где-то ждет меня мое истинное лицо».

Как пробралась эта фраза в мой мозг?

За завтраком Сеголен спросила, нет ли у кого из нас зеркала.

– Я не собираюсь краситься, – сказали женщины.

– Я не собираюсь бриться, – подхватили мужчины.

Все были ошарашены: оказалось, что никто не запасся этим предметом.

– Ни один из нас десять дней не увидит своего лица! – заключила Сеголен.

Эта перспектива ей не нравилась; меня же она привела в восторг.

У меня всегда были сложные отношения с зеркалами. Если детство мое их игнорировало, отрочество не дало мне отвернуться от них. Сколько дней посвятил я изучению себя? Это не был нарциссизм, скорее растерянность. Я не понимал… Я тщетно искал связь между человеком в зеркале и собой; у него разрастался торс, ширились плечи и бедра, тогда как внутри я не менялся. Мало того что его метаморфоза следовала непостижимому мне плану, она

совершалась, в то время как я не желал ее, не контролировал, даже не предвидел. Доколе это будет продолжаться? Я полагал себя жертвой абсурдной неизбежности – роста. Что связывает эту плоть, принимавшую форму мужчины, и меня? Ребенок, исчезавший из зеркала, оставался во мне, более того, он оставался мной.

Когда процесс был завершен, я без особого энтузиазма смирился с тем, что проживу свою жизнь в этом мускулистом, массивном, атлетическом теле, увенчанном круглым лицом. Между тем лицо, которое я бы сам себе дал, было бы тонким, и, выбирай я внешность, предпочел бы хрупкую, по образу моих сомнений и вопросов.

В восемнадцать лет я порвал все отношения с зеркалами, за исключением времени бритья. Когда мне случалось неожиданно где-нибудь на углу улицы или в глубине ресторана увидеть свое отражение, я удивлялся. Что за нелепица! Я так мало походил на себя…

Своим близким я никогда не поверял этого чувства неадекватности, ибо в тот единственный раз, когда я решился его высказать, девушка возразила мне: «Ты себе не нравишься? Не важно, ты нравишься мне. И я нахожу тебя красивым». Несчастная, какое заблуждение… я страдал не от этого. Красивый, некрасивый – плевать! Нравлюсь себе, не нравлюсь – какая разница? Я говорил о другом, глубинном недуге: я себя не узнавал! У меня дома было не найти ни псише, ни зеркала в полный рост, только маленький квадратик в ванной комнате без окон.

«Где-то ждет меня мое истинное лицо».

Фраза возникла вскоре после полудня. Потом вернулась. На ходу она становилась навязчивой. Крутилась, крутилась, крутилась в голове.

Что она значила?

Я полагал, что она отражала мои заботы: вот уже год я искал свое место в жизни, свое дело, свою профессию. Удалившись в пустыню, я мог продвинуться в поисках. Должен ли я продолжить мои философские изыскания? И какие? Или лучше уйти в преподавание? В писательский труд? Короче, кто я – эрудит, мыслитель, учитель, артист? Кто-то другой? Кто-то или… никто? Никто, быть может… Так не лучше ли попросту создать семью, завести детей, посвятить себя

их воспитанию и их счастью? Этот внутренний разлад тяготил меня: я был на перепутье, не на пути.

«Где-то ждет меня мое истинное лицо».

Сегодня, когда я пишу эти строки, я лучше различаю вопрос, потому что имею ответ, который был мне дан три дня спустя… потрясающим образом. Но не будем забегать вперед.

* * *

– Смотрите-ка, полынь.

Тома указывал на голубовато-зеленые пучки, торчавшие там и сям из земли.

– Растение, родственное тимьяну, – сказал я, сорвав стебель, покрытый сотней серебристых листочков.

– Понюхайте!

Я вдохнул приятный, чуть терпкий запах.

В эту минуту выше по дороге меня заметил Абайгур и крикнул:

– Teharragale!

Я помотал головой: не понимаю. Он терпеливо повторил:

– Teharragale!

Я шепотом спросил у Тома:

– Что он говорит? Что нельзя ее трогать? Это яд?

Тома покачал головой:

– Вряд ли. В полыни нет ничего токсичного. Ей даже приписывают лечебные свойства. Болеутоляющее, антисептическое…

Улыбаясь, Абайгур спустился и подошел к растению. Собрал горсть травы у моих ног, сунул ее в карман и произнес длинную тираду на тамашеке. При виде моего непонимающего лица он расхохотался, похлопал меня по плечу, обрисовал указательным пальцем круг. «Позже поймешь».

Бодрым маршем колонна двинулась дальше.

– О, молочай! Хорошо, хорошо…

Тома восторгался торчавшей из песка веткой, покрытой капустными листьями.

Я наклонился.

– Нет! – воскликнул он. – Не трогайте, его сок очень едкий. Животные его не едят.

Как понятливое животное, я попятился.

– Вы знаете все растения?

– Не все, но много. Тридцать лет собираю гербарий, хотя моя специальность все же вулканы.

Тома, бородач лет пятидесяти, преподавал географию в Университете Кана. Парижское агентство оплатило ему экскурсию, чтобы он передал свои знания будущим путешественникам.

В таком положении были двое: Тома, геолог, и Жан-Пьер, астроном. Им была поставлена задача описывать нам мир – одному днем, другому ночью. Я ценил эту ученую компанию и считал большой удачей в нее попасть.

Каждый час мы делали привал, и Тома рассказывал нам об образовании рельефов, их эволюции, эрозии почв. Благодаря ему пейзаж обрел два новых

аспекта: время и движение. Ученый наделял этот безмолвный мир историей, и под внешней неподвижностью панорамы открывал нам все, что возникало, извергалось, боролось, текло, сталкивалось, ломалось, наступало и распадалось. Завороженный его комментариями, я чувствовал себя на поле битвы после сражения, где глыбы, разломы, каньоны были убитыми солдатами или солдатами выжившими.

– Вы ошибаетесь, – ответил он, когда я поделился с ним своим ощущением. – Борьба не закончена. Все еще движется, непрестанно меняется, но со скоростью, неощутимой на человеческом уровне.

– А, ну да… Как сказал Фонтенель:[9 - Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) – французский писатель и ученый, племянник Пьера Корнеля.] на памяти розы не умирал ни один садовник.

Он сморщился и почесал ухо. Мне еще предстояло понять, что его сердцу не были милы ни поэзия, ни образные выражения, ни философия. Он хотел знать. Только знать. Не фантазировать, не мечтать, это все ребячество…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/erik-emmanuel-shmitt/noch-ognya/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Гардая, Эль-Голеа, Ин-Салах – населенные пункты в Алжире.

2

Красивый (искаж. англ.).

3

На Вандомской площади в Париже находятся резиденции и бутики крупнейших ювелирных фирм мира.

4

Шарль Эжен де Фуко (1858–1916) – монах-траппист, отшельник, исследователь Африки. Римско-католическая церковь причислила Шарля де Фуко к лику блаженных.

5

Коллеж де Франс – парижское учебно-исследовательское учреждение на площади Марселена Бертло в Латинском квартале Пятого округа французской столицы, предлагающее курсы высшего образования по научным, литературным и художественным дисциплинам. Звание профессора Коллеж де Франс считается одним из самых высоких отличий в области французского высшего образования.

6

Эдвиж Фейер (наст. фамилия Кунати; 1907–1998) – французская актриса театра и кино. Автор нескольких мемуарных книг, бесед об искусстве.

7

Ахаггар – нагорье на западе Сахары, в южной части Алжира.

8

Тамашек – язык юго-восточной части туарегов, на котором разговаривают около полумиллиона человек в Северной Африке по южному краю Сахары.

9

Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) – французский писатель и ученый, племянник Пьера Корнеля.

Купить: https://tellnovel.com/ru/erik-emmanyuel-shmitt/noch-ognya-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить